

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.93

Ю. А. Ступин

ЭСТОНСКАЯ ДИАСПОРА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 20—30-е гг. XX в.: ИТОГИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

На основе данных всеобщих демографических переписей 1920, 1926 и 1939 гг. анализируются пространственные особенности расселения российских эстонцев в пределах Северо-Западного региона на момент «расцвета» диаспоры. Выявлены основные очаги расселения эстонцев, показаны географические предпосылки дальнейшего быстрого упадка диаспоры.

This article analyses the spatial features of the settling of Russian Estonians in the North West region at the “zenith” of diaspora on the basis of the censuses of 1920, 1926, and 1939. The author identifies the principal settling areas and points out the geographical preconditions for the rapid decline of the diaspora.

Ключевые слова: российские эстонцы, Северо-Запад России, этническое расселение.

Key words: Russian Estonians, North West of Russia, ethnic settling.

Массовое переселение эстонцев за пределы автохтонного ареала расселения, начавшееся во второй половине XIX в., привело к формированию на территории России многочисленной эстонской диаспоры. Уже к концу XIX в. более 10 % эстонцев проживают за пределами своего автохтонного ареала. Эстонские колонии возникли практически по всей территории России — вплоть до Дальнего Востока. Однако крупнейший очаг расселения эстонцев сформировался в непосредственной близости от их этнической родины — на Северо-Западе России¹. К 1926 г. в пределах данного региона проживали 87 тыс. эстонцев — около половины от их общей численности в пределах тогдашнего СССР (155 тыс. чел.) [3].

Распад Российской империи в результате революции 1917 г., установление советской власти в России и образование независимой Эстонской Республики (1918 г.) повлекли за собой прекращение эстонской иммиграции в Россию. К этому моменту эстонская диаспора в России достигла наибольшей численности за весь период своего существования. Анализу особенностей территориального размещения эстонского этноса в пределах района наиболее компактного их расселения к этому времени и посвящена настоящая работа.

Отметим, что в имеющейся на данный момент литературе рассматривается в основном собственно история эстонской миграции в Россию или в отдельные ее регионы [5; 6; 8; 9; 12; 13]. Также предпринимались попытки составить обобщающие справочные сведения о колониях эстонцев, основанных на территории в Российской империи эстонскими мигрантами [10; 11]. Однако пространственным аспектам расселения эстонской диаспоры в России должного внимания не уделялось.

Основными источниками для нашего исследования послужили материалы Всесоюзной переписи населения (ПН) 1926 г. Конечно, более перспективным, на первый взгляд, представляется использование данных другой переписи, состоявшейся в 1920 г. Согласно статье IV Юрьевского мирного договора 1920 г. между РСФСР и Эстонией «лица эстонского происхождения», проживавшие в России и достигшие 18 лет, получили право в течение года с момента подписания договора оптировать эстонское гражданство (в дальнейшем срок оптации продлевался) [7]. Около 37 тыс. российских эстонцев этим правом воспользовались [6]. Таким образом, в результате оптации численность эстонской диаспоры сократилась примерно на 20 %. Однако подавляющее большинство оптантов, конечно, покинуло Россию уже после проведения ПН 1920 г. (она состоялась 28 августа — всего через 7 месяцев после подписания Юрьевского договора). Следовательно, эта ПН отражает состояние эстонской диаспоры в России на тот момент, когда она была гораздо более многочисленна, чем в период проведения ПН 1926 г. Именно ПН 1920 г. наиболее полно зафиксировала итог эстонской иммиграции в Россию.

¹ До конца 1930-х гг. Северо-Западный регион полностью входил в административные границы Ленинградской области (за исключением южных районов современной Псковской области, с 1929 г. входивших в состав Западной области, а с 1935 г. — в состав Калининской области).

С другой стороны, материалы ПН 1926 г. гораздо более разнообразны и информативны, чем данные ПН 1920 г. Последняя проходила в условиях Гражданской войны, что привело к значительному недоучету населения (правда, на Северо-Западе России он был гораздо меньшим, нежели, например, на восточных и южных окраинах России). Опубликованных материалов ПН 1920 г. довольно мало, они нередко противоречат друг другу, чего нельзя сказать о данных следующей ПН. Имеющиеся на сегодня в распоряжении исследователей итоги переписи 1920 г. позволяют изучать этнический состав населения Северо-Запада в разрезе лишь волостей[4], а данные 1926 г. — даже по отдельным населенным пунктам². Немаловажно, что итоги ПН 1926 г. опубликованы в разрезе административных районов (введенных после образования в 1927 г. Ленинградской области), а не только волостей, уездов и губерний, существовавших до проведения административной реформы. Это дает возможность сопоставлять ее сведения с данными более поздних переписей. Поэтому автор настоящей работы опирался в первую очередь на материалы ПН 1926 г., а перепись 1920 г. использовалась лишь в качестве вспомогательного источника.

Анализ итогов переписей позволяет выявить следующие главные особенности размещения эстонцев на территории Северо-Запада РСФСР. В первую очередь необходимо отметить, что иммиграция эстонцев носила преимущественно сельскохозяйственный характер. По данным ПН 1926 г., лишь 26 % эстонцев Ленинградской области (ЛО) проживали в городских поселениях. Этим эстонцы разительно отличаются от других прибалтийских народов, также расселившихся в пределах Северо-Западного региона. Так, среди латышей, проживавших в ЛО, к 1926 г. 49 % были горожанами. Еще выше доля городского населения у литовцев (89 %). Конечно, уровень урбанизированности у эстонцев был ощутимо выше, чем у русских. Городских поселений со значительной долей эстонского населения в 1920-е гг. немного. К ним относятся прежде всего *Ямбург*, где в 1920 г. эстонцы составляли 30,1 % населения (символично, что в 1922 г. этот город переименовали в честь эстонца В. Э. Кингисеппа). Также следует упомянуть *Гдов* (10,4 % эстонцев в 1920 г.) [4]. К 1926 г., доля рассматриваемого этноса в упомянутых городах заметно снизилась — в Кингисеппе до 19,6 %, в Гдове до 9,5 %. Как отмечал В. А. Маамяги, горожане-эстонцы более активно опирались эстонское гражданство, чем сельское население [6], что и отразилось на динамике удельного веса эстонцев в населении городов. По данным ПН 1926 г., выделяется также поселок *Струги Красные* (весьма условно отнесенный организаторами ПН 1926 г. к категории городских поселений³), где удельный вес эстонцев достигал 14,0 %. Около 2/3 от общей численности горожан-эстонцев Северо-Запада, по данным обеих ПН, проживали в Петрограде/Ленинграде (в 1926 г. здесь сосредоточено свыше 10 % общей численности эстонской диаспоры СССР).

Общие сведения об этническом составе населения административных районов с наиболее высоким (свыше 5 %) удельным весом эстонцев по данным переписи 1926 г. приведены в таблице.

**Численность населения и удельный вес эстонцев
в районах их преимущественного расселения (по данным ПН 1926 г.)**

Район	Всего населения	В том числе эстонцев	
		абс.	%
Южный ареал			
Лядский	23354	4597	19,7
Полновский	18917	3489	18,4
Струго-Красненский	38942	5912	15,2
Новосельский	27943	3234	11,6
Гдовский	34181	2881	8,4
Середкинский	28092	1886	6,7
Плюсский	28679	1703	5,9
Рудненский	22086	1182	5,4

² Неопубликованные поселенные карточки и сводные ведомости см.: *С.-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Ф. 135. Оп. 3.*

³ Этот населенный пункт в 1925 г. был отнесен к категории дачных поселков, которые до 1982 г. не считались городскими поселениями. Однако при разработке итогов переписи 1926 г. его население учитывалось как городское. Статус рабочего поселка (и, соответственно, полноценного городского поселения) Струги Красные получили лишь в 1958 г.

Лужский (без г. Луга)	48972	2541	5,2
Северный ареал			
Молосковицкий	19776	4090	20,7
Волосовский	28250	4537	16,1
Кингисеппский	22019	3255	14,8
Ораниенбаумский	43171	2211	5,1

Примечание. В таблицу включены районы, где доля эстонцев в общей численности населения превышает 5 % (в порядке ее убывания).

Источник: [2].

Анализ порайонных итогов ПН 1926 г. позволяет выделить две группы административных районов ЛО, отличающиеся наиболее высоким удельным весом эстонского этноса в их общей численности населения. Первая (назовем эту территорию южным ареалом) охватывает территорию от Чудского озера и тянется на восток примерно до линии железной дороги Ленинград — Псков. При этом основная часть эстонских поселений локализована в западной части ареала. Северная граница данного ареала выражена довольно нечетко, но приблизительно она совпадает с современной границей между Ленинградской и Псковской областями. Наибольшее количество эстонцев перепись зафиксировала в трех смежных административных районах области — Лядском, Полновском и Стругоокрасненском.

Вторая полоса наиболее компактного расселения эстонцев (северный ареал) расположена севернее и проходит примерно вдоль линии железной дороги Тосно — Таллин. В ряде мест она довольно далеко отходит от этой дороги в северном направлении. Наибольшее количество эстонцев проживало здесь в двух районах — Волосовском и Молосковицком.

Анализ данных таблицы позволяет также констатировать весьма низкую степень территориальной концентрации эстонской диаспоры. Хотя в перечисленных 13 районах и проживает 41,5 тыс. эстонцев, это не составляет и половины от их общей численности диаспоры в рамках Северо-Западного региона. Из оставшихся 45,6 тыс. человек около трети сосредоточивается в Ленинграде, а остальные дисперсно расселены по всей западной и южной части региона. В небольших количествах эстонцы расселены по всей территории ЛО, лишь в восточной части области эстонское население практически отсутствует. Так, в Череповецком округе их насчитывалось лишь 474 человека, в Лодейнопольском округе — 70.

Из числа административных районов Ленинградской области 25 имеют удельный вес эстонцев в пределах от 1 до 5 %, в том числе в девяти районах этот показатель составляет от 3 до 5 %. Большая часть районов последней группы сконцентрирована в южной части региона, ныне занимающего запад и юго-запад Тверской области (Торопецкий, Октябрьский, Ленинский, Бологовский районы), а также юго-восточную часть Новгородской области (Крестецкий, Молвотицкий районы). Некоторое повышение удельного веса эстонцев также просматривается к югу от Ленинграда. Здесь следует отметить Троицкий район (ныне Гатчинский; доля эстонцев — 4,2 %), а также упомянутый в таблице Ораниенбаумский район. В таблицу он попал, конечно, не как составляющая «северной» группы районов наиболее компактного расселения эстонцев, а именно как сосед Ленинграда.

Еще одна особенность географии расселения эстонцев в рассматриваемом регионе — это практическое отсутствие крупных компактных территориальных группировок как на Северо-Западе в целом, так и в районах наибольшей концентрации диаспоры. Крайне редко можно встретить группы селений, где эстонцы составляли бы преобладающую часть населения. Даже в районах с наиболее высоким удельным весом эстонцев их поселения, как правило, располагались чересполосно с русскими. Такое положение, очевидно, объясняется тем, что эстонские мигранты, переселявшиеся в великорусские губернии, оседали на уже обжитых землях, имеющих плотное сельскохозяйственное население. Пригодные для освоения земельные участки были немногочисленны, невелики по площади и разобщены на значительное расстояние друг от друга.

Наглядной иллюстрацией отмеченной особенности расселения эстонцев является сеть низовых национально-административных единиц ЛО — *национальных сельсоветов*, существовавших на территории региона до конца 30-х гг.⁴ Государство в этот период последовательно проводило политику так называемой коренизации, одним из проявлений которой стало активное

⁴ Для образования национального сельсовета требовалось, чтобы удельный вес титульного этнического меньшинства в пределах сельсовета составлял не менее 66 %, а общая численность населения была не менее 300 и не более 3000 человек [1].

формирование сети низовых национально-административных единиц: власти стремились к максимальному охвату проживавших в сельской местности этнических меньшинств сеткой национальных сельсоветов. Поэтому национальный сельсовет к середине 1930-х гг. (когда их сеть в основном сформировалась) можно считать своеобразным индикатором наличия в том или ином районе сравнительно многочисленной (от нескольких сот до нескольких тысяч человек) локальной территориальной группировки этнического меньшинства.

Процесс коренизации не обошел стороной и эстонское население Северо-Запада. Однако в районах ЛО удалось создать только 20 эстонских сельсоветов, и в них было сосредоточено лишь около четверти эстонского населения региона. Из этого числа 4 сельсовета были образованы в районах, отнесенных нами к северному ареалу, еще 13 — в районах южного ареала. Кроме того, три сельсовета были созданы за пределами районов наибольшей концентрации эстонцев — по одному сельсовету возникло в Тосненском, Крестецком и Лычковском районах. В одном районе (Волосовском) одновременно существовали три эстонских сельсовета, в пяти — по два, в остальных семи районах — по одному [1]. Следует отметить «искусственность» большинства эстонских сельсоветов — лишь 9 из них были образованы путем присвоения национального статуса ранее существовавшей административной единице, все остальные пришлось «выкраивать» из частей одного или нескольких смежных «русских» сельсоветов. Отметим, что хотя подавляющее большинство эстонских сельсоветов располагалось в пределах районов наиболее компактного расселения диаспоры, несколько таких административных единиц, а следовательно, и крупных территориальных группировок эстонцев возникли и за пределами этой территории.

Более соответствовали дисперсному характеру расселения эстонцев на Северо-Западе *национальные колхозы*, также активно создававшиеся в рамках политики коренизации. В отличие от сельсовета, эстонский колхоз можно считать «маркером» менее многочисленной — до нескольких сот человек — локальной территориальной группы рассматриваемого этноса. По состоянию на 1 мая 1934 г. в ЛО был создан 171 эстонский колхоз⁵. Больше всего эстонских колхозов на этот момент было в Волосовском (34)⁶ и Стругокрасненском (30) районах. Еще в пяти районах насчитывалось свыше 10 таких хозяйств — в Гдовском (17), Кингисеппском (16), Красногвардейском (15), Лядском (12) и Лужском (11). Несмотря на четко выраженную концентрацию колхозов в этих семи районах (76,6 % от общего числа), нельзя не отметить бóльшую по сравнению с сельсоветами распространенность эстонских колхозов в районах, локализованных за пределами ареалов наибольшей концентрации диаспоры. Колхозы присутствовали в девяти таких районах, причем в некоторых из них число колхозов было отнюдь не единичным. Так, в Тосненском районе насчитывалось семь таких хозяйств. Следует отметить, что в дальнейшем число эстонских колхозов наверняка возрастало, так как к 1934 г. процесс коллективизации сельского хозяйства в ЛО был еще очень далек от завершения. Однако и обозначенные выше особенности локализации этих хозяйств весьма красноречивы.

Итак, к моменту завершения эстонской иммиграции на Северо-Запад России в регионе сформировалась многочисленная диаспора этноса, в основном сосредоточенная в Ленинграде и западной части ЛО. В области по удельному весу эстонцев особо выделялась территория, прилегающая к восточному побережью Чудского озера и к железной дороге Тосно — Таллин. Однако и на этой территории в пределах административных районов удельный вес эстонцев был относительно невысоким, территориальные группировки эстонцев имели сугубо локальный характер. Такая особенность пространственного размещения диаспоры делала ее весьма уязвимой перед разрушающим действием процессов генетической ассимиляции и аккультурации.

Нельзя не отметить, что длительное позитивное развитие эстонской диаспоры в регионе обеспечивалось исключительно продолжавшейся внешней миграцией из Прибалтики. С прекращением этой «подпитки» шансы на сохранение этих положительных тенденций становились весьма призрачными.

Уже в довоенный период обнаружилась тенденция к быстрому сокращению численности эстонцев даже в районах компактного проживания. Так, по данным ПН 1939 г., в пределах районов, включенных в таблицу, проживало 25,5 тыс. эстонцев⁷ — почти вдвое меньше, чем в 1926 г. Лишь в трех районах к 1939 г. удельный вес эстонцев превышал 10 %. События же Великой Отечественной войны и последующая массовая миграция сельского населения в города

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 148. Л. 7—9.

⁶ В состав Волосовского района к этому времени вошел упомянутый в таблице 1 Молосковицкий район (с рекордно высокой долей эстонцев в составе населения), упраздненный в 1931 г.

⁷ Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1248. Л. 83—96.

полностью дестабилизировали устойчивость эстонской популяции. По данным переписи 2002 г., в Санкт-Петербурге и трех областях Северо-Запада насчитывалось лишь 5104 эстонца, из них 44 % сосредоточивалось в Петербурге. Таким образом, к началу XXI в. эстонцы на Северо-Западе стали лишь одним из многочисленных национальных меньшинств, проживающим в регионе и занимающим только 17-е место по абсолютной численности среди прочих народов. Учитывая особенности возрастно-половой структуры эстонской диаспоры, характер ее демографического развития, частоту смешанных браков и пространственные особенности расселения, можно уверенно прогнозировать и дальнейшую ее деструкцию с вполне реальной перспективой полного исчезновения в относительно недалеком будущем.

Список литературы

1. *Административно-территориальное устройство Ленинградской области.* Л., 1933.
2. *Бюллетень* Ленинградского областного отдела статистики. 1928. № 20. Апрель-июнь.
3. *Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1: Ленинградско-Карельский район: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность.* М., 1928.
4. *Золотарев Д. А.* Этнический состав населения Северо-Западной области и Карелии. Л., 1928.
5. *Лоткин И. В.* Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920—1930-е годы): аспекты этносоциальной истории. Омск., 2006.
6. *Маамяги В. А.* Эстонцы в СССР, 1917—1940 гг. 2-е изд. М., 1990.
7. *Мирный договор между Россией и Эстонией.* (Офиц. текст). М., 1920.
8. *Рекк-Лебедев А.* Дальневосточная Лифляндия: Эстонцы на Уссурийской земле. Таллин, 1989.
9. *Krimmi kogumik = Крымский сборник: Konv. «140 a. eestlust Krimmis» ettek (09.—10.09.2001) / Koost. ja toim. Juri Viikberg.* Tallinn: S.n., 2002.
10. **Meomuttel J. Eesti asunikud laialises Wene riigis: Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua.** Jurjev: Postimees, 1900.
11. *Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal.* Tartus, 1918.
12. *Vassar A. Uut maad otsimas: agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863. aastani.* Tallinn, 1975.
13. *Võime L. Tee uude ellu: Eesti asunduste ajaloost Kaukaasia Musta mere rannikul XIX saj. 2. poolest kuni 1929.* Tallinn, 1980.

Об авторе

Ступин Юрий Александрович, инженер факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: stu77@ya.ru

About author

Yuri Stupin, Engineer, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.

E-mail: stu77@ya.ru